

ВОСПОМИНАНІЕ

священника села Ильинскаго (Ярыгина тожь), Сычевскаго уѣзда, І. Д. Брянцева, о времени своего образованія въ школахъ и о тогдашнихъ наставникахъ.

Опредѣленъ я былъ въ сентябрѣ 1847 года въ первый классъ Виземскаго духовнаго училища. Помню хорошо, какъ отецъ мой, бѣдный причетникъ, утромъ повелъ меня въ квартиру о. ректора, протоіерея Павла Іоныча Жданова ¹⁾. Туда же прибыли и другія лица. Мой отецъ, какъ скромный человѣкъ и невысокаго чина (дьячекъ), охотно уступилъ идти первымъ къ о. ректору священникамъ и о. діаконамъ, а самъ остался назади, стоя на лѣстницѣ. Наконецъ дошла очередь и до насъ. Мы вошли въ прихожую и предъ нами явился о. ректоръ. Онъ былъ въ рясѣ съ магистерскимъ крестомъ. Мы поклонились ему, приняли благословеніе, — и отецъ подалъ прошеніе. Прочитавши прошеніе, о. ректоръ открылъ книгу, кажется, псалтирь, и велѣлъ мнѣ прочитаты что-нибудь; я прочиталъ указанное мѣсто. «Опредѣляется въ первый приходскій классъ; — завтра—на молебень, — и потомъ за ученіе», сказалъ о. ректоръ. Мы сдѣлали опять поклонъ, приняли благословеніе и вышли.

Мы возвратились въ квартиру съ радостію, что приняли меня въ училище. Отецъ мой тотъ же день уѣхалъ домой, поручивъ всякое попеченіе о мнѣ старшему брату моему Петру (нынѣ священникъ села Покрова-Жиркова п Бѣльскій уѣздный благочинный). Братъ свелъ меня наавтра въ классъ и указалъ мѣсто, гдѣ сидѣть. Изъ класса ходили мы въ Николаевскую церковь (съ версту отъ училища) на молебень, который отслуженъ былъ самимъ о. ректоромъ. Тотъ день у насъ не было ученія, — изъ церкви пошли по квартирамъ;

¹⁾ Въ монашествѣ Іоанна, бывшаго впоследствии еп. Чигиринскимъ.

Меня заставилъ читать о Потопѣ, я прочиталъ хорошо. Послѣ испытанія о. ректоръ отобралъ насъ человѣкъ 8 и перевелъ во второй приходскій классъ. Когда мы вошли въ классъ, тамъ шли занятія. Ректоръ отрекомендовалъ насъ наставнику, велѣлъ обращать на насъ особенное вниманіе, при чемъ сказалъ причину, почему онъ перевелъ насъ сюда. Наставникомъ здѣсь былъ студентъ семинаріи В. Я—чъ С—въ. У этого учителя мнѣ пришлось учиться четыре года: два года во 2 приходскомъ классѣ и два года въ слѣдующемъ, — низшемъ отдѣленіи, куда вмѣстѣ съ нами переведенъ былъ и онъ (1849 г.). Онъ былъ уже не первой молодости человѣкъ (лѣтъ 30), довольно плотно сложенный. Къ своей должности былъ усерденъ: терпѣливо высиживалъ 4 часа до обѣда и 2 часа послѣ обѣда. Во 2 приходскомъ классѣ насъ учениковъ было у него 123 человѣка ¹⁾). Не смотря на такую многочисленность, онъ узнавалъ однако-жь, кто какъ учится. Всѣ ученики раздѣлены были у него на маленькія группы, по 4 человѣка въ каждой (да и во всѣхъ классахъ такъ было); къ каждой группѣ назначенъ былъ изъ лучшихъ учениковъ аудиторъ, обязанность котораго состояла въ томъ, что онъ, до прихода учителя, долженъ прослушать своихъ 4-хъ школьниковъ, оцѣнить знанія изъ урока и сдѣлать отмѣтку въ нотатѣ, на общей тетради, гдѣ записывались латинскими буквами баллы (S—знаетъ, NB—не хорошо знаетъ, ER—ошибочно, NT—не цѣлый урокъ знаетъ, NS—не знаетъ и O—ничего не знаетъ). Учитель приходилъ въ классъ, когда ученики всѣ уже прослушаны, и отмѣтки сдѣланы; бралъ тетрадку (нотату) и прежде всего вызывалъ тѣхъ, которые отмѣчены неудовлетворительно; прослушивалъ ихъ, и если не знали урока, подвергалъ на-

¹⁾ Оканчивая курсъ семинаріи, я пересчиталъ товарищей, которые учились со мною во 2 классѣ: изъ 123—ихъ оказалось только 7-мъ человѣкъ.

ученіе началось на слѣдующій (кажется 4 сентября). Учителемъ перваго приходскаго класса былъ студентъ семинаріи С. И. К—въ, человѣкъ дѣльный и строго слѣдившій за соблюденіемъ классной дисциплины: въ концѣ занятныхъ часовъ въ первый же день назначилъ наблюдателя изъ учениковъ, который обязанъ былъ слѣдить за поведеніемъ товарищей и записывать, кто шумитъ до прихода наставника. Наблюдателемъ назначенъ былъ одинъ изъ числа десяти, оставленныхъ на повторительный курсъ,—Яковъ Соколовъ, и мы боялись его сильно! Черезъ недѣлю С. И—чъ началъ употреблять существовавшія тогда дисциплинарныя взысканія... Скажу къ слову. Черезъ тридцать пять лѣтъ мнѣ пришлось быть въ Смоленскомъ училищѣ и слышать, какъ обращается учитель-репетиторъ Н. М. Б—въ съ мальчиками, только что опредѣленными,—и оказывается, что никакого сравненія нѣтъ съ давноминувшимъ временемъ. Какъ привѣтливо и ласково относится онъ къ дѣтямъ; онъ старается даже говорить сообразно съ дѣтскими понятіями,—ободряетъ ихъ, когда они робѣютъ, поправляетъ ихъ неловкости, учить подниматься, садиться, стоять, поклоны отдавать и проч. Но съ нами было не то...

Въ первомъ приходскомъ классѣ мнѣ недолго пришлось быть. Разъ, кажется, черезъ мѣсяцъ приходитъ въ классъ о. ректоръ. „Каково идетъ ваше ученіе“? спросилъ онъ у С. И—ча.—Ничего, трудимся помаленьку, Ваше Высокопреподобіе, отвѣтилъ учитель: есть порядочные ученики, а есть и плохіе. Сколько всѣхъ?—72.—Есть ли такіе, которые знаютъ сколько-нибудь священную исторію?—Не испытывалъ. „Встаньте, обратился къ намъ о. ректоръ, кто знаетъ сколько-нибудь изъ Исторіи (Начатки христ. ученія)“. Встали человѣкъ 10-ть, въ числѣ которыхъ и я. О. ректоръ началъ испытывать всѣхъ въ знаніи Исторіи и записывалъ что-то.

казанію. Въ такомъ занятіи проходило время больше часу. Дальше спрашивалъ тѣхъ, которые отмѣчены были знающими, и чрезъ это провѣрялъ самихъ аудиторомъ. Пояснители того или другаго изъ знающихъ, учитель объяснялъ слѣдующій урокъ. Учитель Соколовъ былъ добрый, но не рѣдко дѣлался раздражительный, жестокимъ при наказаніяхъ и не всегда справедливымъ въ опредѣленіи мѣстъ въ ученическихъ спискахъ. Все это пришлось испытать мнѣ на самомъ себѣ. О результатахъ ученія и экзаменовъ II-го класса мы узнали въ сентябрѣ, когда пріѣхали опять учиться. Въ слѣдующій классъ, низшее отдѣленіе, поступило около 100 человѣкъ, а человѣкъ 30 послѣднихъ оставались во второмъ классѣ въ неопредѣленномъ положеніи: т. е. не сказано, что они остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, и не переведены въ слѣдующій классъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Слишкомъ мѣсяць мы находились въ такомъ положеніи. Въ началѣ октября въ нашъ классъ (все еще второй) входитъ о. ректоръ. Учитель и мы всѣ встали въ струнку. „Гдѣ тутъ оставшіеся неперевоенными“? спросилъ онъ. Ему указали на насъ. — До свѣдѣнія моего дошло, что вы, В. Я—чъ, несправедливо оцѣнили знаніе нѣкоторыхъ изъ оставшихся здѣсь. И вотъ провѣримъ это“, сказалъ о. ректоръ. Вслѣдъ за симъ сѣлъ за столъ и разложилъ бумаги. „Петръ Орловскій“ ³⁾, вызываетъ онъ. Тотъ вышелъ. Начинается строгій экзаменъ. За этимъ вызванъ Илья Русановъ ⁴⁾, дальше я и еще человѣкъ десять. Мы трое отвѣчали очень хорошо, не дурно отвѣчали и слѣдующіе за нами. По окончаніи экзамена о. ректоръ (вѣчная память этому доброму, справедливому начальнику. Онъ умеръ епископомъ въ Кіевѣ) отобралъ насъ

³⁾ Въ 1857 г. Орловскій уѣхалъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ. Живъ ли теперь—не знаю.

⁴⁾ Умеръ священникомъ въ селѣ Повизовѣ, Бѣльск. уѣзда.

12 человекъ и перевелъ въ низшее отдѣленіе, гдѣ наши товарищи учились уже слишкомъ мѣсяць. Какъ я радъ былъ, что освободился отъ В. Я—ча, но радость моя была непродолжительна. Не много спустя наши наставники новые, не помню ихъ именъ, куда-то переведены были, а на мѣсто ихъ къ намъ назначались учитель 1 класса С. К—въ и 2 класса В. С—въ. С. И—ча мы видѣли въ 1-мъ классѣ. Тогда онъ показался строгъ, теперь же, въ низшемъ отдѣленіи, онъ былъ болѣе снисходителенъ, и мы любили его. Онъ преподавалъ намъ латинскій языкъ и ариметику, и зналъ эти предметы основательно. Я былъ у него на хорошемъ счету и по спискамъ его стоялъ чуть не въ первомъ десяткѣ. А В. Я—чъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ и во второмъ классѣ. Ко мнѣ почему-то все былъ нерасположенъ. При переходѣ въ высшее отдѣленіе я попрощался съ В. Я—чемъ. „Дай Богъ тебѣ успѣшно окончить курсъ, сказалъ онъ, когда нибудь опять увидимся“. И увидѣлись мы въ г. Сычевкѣ 10 марта 1859 года, когда онъ былъ уже тамъ соборнымъ священникомъ, а я ѣхалъ съ билетомъ жениться, при поступленіи въ настоящее мѣсто священникомъ, и мимоѣздомъ оставался въ городѣ. Мы пожали другъ-другу руки по любезному; я просилъ его къ себѣ въ гости, и онъ обѣщался пріѣзжать. Но вскорѣ онъ заболѣлъ разстройствомъ умственныхъ способностей и умеръ въ Богоугодномъ заведеніи города Смоленска.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1851 года мы перешли въ высшее отдѣленіе. Здѣсь приняли насъ подъ свое руководство два довольно замѣчательныхъ педагога: протоіерей (который тогда былъ еще священникомъ) С. Е—въ, онъ же былъ и ин-

спекторомъ училища, и студентъ семинаріи И. О. П—овъ. Первый преподавалъ греческій языкъ и географію, а второй—латинскій языкъ и священную исторію. Каждый изъ нихъ основательно зналъ свое дѣло. О. С. Е—евъ былъ настоятелемъ Николаевской церкви, при которой имѣется очень большой приходъ. Никогда я не видалъ такой кипучей дѣятельности и ревностнаго исполненія своихъ обязанностей, какъ у О. С—гія: какъ священникъ онъ не опустилъ ни одной службы въ церкви, ни одной требы въ приходѣ; какъ учитель, мы не помнимъ, чтобы онъ не приходилъ въ классъ; какъ инспекторъ, онъ являлся вездѣ: и на квартирахъ учениковъ, и на рынкѣ, чтобы посмотрѣть—нѣтъ ли и тамъ учениковъ, и въ трактиръ онъ заглядываетъ, и около рѣкъ онъ пробѣжитъ, и въ поле, и въ лѣсъ завернетъ,—словомъ вездѣ его можно было встрѣтить. О. С—гій былъ искусный преподаватель. Подъ его руководствомъ мы отлично изучили географію и греческій языкъ: по географіи могли знать въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣ страны, издали указать по картѣ рѣки, города, горы, долины, системы водныхъ сообщеній; по гречески могли переводить мелкія статьи безъ помощи лексикона. Неисправныхъ и шаловливыхъ онъ наказывалъ, но всегда снисходительно. Сверхъ прямыхъ обязанностей онъ отправлялъ для насъ все-нощныя въ Николаевской церкви, устроилъ пѣвческую, выбиралъ хорошихъ чтецовъ и проч. Но, при всей своей дѣятельности, О. С—гій былъ человекъ некрѣпкаго здоровья. Каждое лѣто онъ старался укрѣплять свою грудь разными горькими травами.

Не менѣе замѣчателенъ былъ и второй наставникъ нашъ

И. О. П—овъ. Предметы свои латинскій языкъ и священную исторію зналъ въ совершенствѣ: онъ свободно переводилъ статьи съ латинскаго языка на русскій, и на оборотъ; приучилъ къ этому и насъ,—и вообще сдѣлалъ насъ порядочными классиками. Но главнымъ образомъ И. О. поражалъ насъ своимъ дородствомъ и солидностію. Никогда онъ не смѣялся, не шутилъ и не говорилъ лишнихъ словъ. За его солидность онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и отъ другихъ наставниковъ; мы сидѣли при немъ такъ смирно, что слышно было жужжаніе мухи,—вообще онъ всегда внушалъ уваженіе къ себѣ, вниманіе къ словамъ и безотчетное исполненіе его распоряженій, и при всемъ этомъ почти не прибѣгалъ къ наказаніямъ.

Какимъ образцовымъ учителемъ былъ И. О. П—овъ, такимъ образцовымъ начальникомъ былъ нашъ о. ректоръ *Павелъ Ионовичъ Ждановъ*. Онъ любилъ учениковъ, но въ тоже время держалъ ихъ въ глубокомъ подчиненіи къ себѣ. Къ учителямъ былъ ласковъ и привѣтливъ. Уроковъ въ училищѣ онъ не имѣлъ, потому и рѣдко посѣщалъ его; разъ въ недѣлю однако-жъ бывалъ. Онъ приходилъ, обыкновенно, во время занятій, и когда входилъ въ училищный корридоръ,—все знали, что пришелъ ректоръ: у него была какая то особенная походка, особый стукъ палкою (тростью). Каждый разъ, какъ только появлялся о. ректоръ, водворялась во всѣхъ классахъ гробовая тишина. Въ классахъ онъ не садился, а всегда стоялъ, разговаривая съ учителемъ, или спрашивалъ учениковъ. Нерѣдко случалось, что неисправныхъ и лѣнивыхъ учениковъ онъ наказывалъ, особенно, если наставникъ заявитъ, что ученики невнимательны къ

его предмету. О. Ректоръ былъ настоятелемъ соборнаго храма; церковь эта безприходная; однако-жъ его просили то туда, то сюда по городу, — и онъ не отказывался. Горожане Вяземскіе любили очень нашего ректора и не иначе называли его какъ «о. магистръ». Приглашали его съ иконою или на погребеніе, и очень довольны были, если онъ пожалуетъ. Всѣмъ и каждому нравилось служеніе его. У него былъ какой-то особенный голосъ (теноръ), затрогивающій сердце и душу. Особенно хорошо онъ читалъ евангеліе. Многіе приходили въ его церковь только затѣмъ, чтобы послушать его чтенія. На послѣднемъ году нашего ученія въ Вяземскомъ училищѣ о. ректоръ Ждановъ перемѣщенъ былъ въ г. Смоленскъ на должность кафедральнаго протоіерея. При прощаніи о. ректоръ говорилъ намъ небольшую рѣчь и горько плакалъ. Этимъ растрогалъ онъ и наши дѣтскія сердца, — заплакали и мы. Въ послѣдній разъ пропѣли съ нимъ: «достойно есть», и среди рыданій онъ отдалъ намъ послѣдній поклонъ и вышелъ. Мы жалѣли его; съ уходомъ его у насъ какъ будто что то оторвалось отъ сердца. Новаго ректора (Александръ Макаревскій) ⁵⁾ мы уже не дождались. Вяземскій курсъ мы доканчивали при и. д. ректора о. С. Е—въ, и и. д. инспектора И. О. П—овѣ.

Обучаясь въ Вяземскомъ духовномъ училищѣ, мы всѣ жили по квартирамъ, разбросаннымъ почти по всему городу. Дѣти достаточныхъ родителей занимали лучшія квартиры, а бѣдные жили кое-какъ. Я, напримѣръ, съ другими семью товарищами жилъ слишкомъ два года у бѣдняка башмачника,

⁵⁾ Бывшій впоследствии Еп. Екатеринославскимъ, съ именемъ *Теодосій*.

въ его избѣ, обмазанной глиною. Уроки учили мы—зимой около общаго стола, и спали на палатяхъ подъ потолкомъ; лѣтомъ же учились на дворѣ и на огородѣ, а спали на чердакѣ подъ крышею. Не лучше были и другія квартиры, въ которыхъ мнѣ приходилось жить послѣ. Столъ былъ отъ хозяина. Онъ состоялъ изъ двухъ простыхъ кушаньевъ: щей и супа. Праздниками подавалось еще и третье кушанье — каша. Хлѣбъ давался намъ черствый, чтобы его меньше выходило. На завтракъ тоже подавался намъ одинъ только хлѣбъ. Чаю мы никогда не пили.

Провизію на содержаніе дѣтей представляли хозяину сами родители и при этомъ платили деньгами по 1 р. 50 к. ассигнаціи или по 43 к. сереб. въ мѣсяцъ съ человѣка.

Были и такіе воспитанники, которые платили за все содержаніе свое, и ихъ плата никакъ не превышала 2 руб. сереб. въ мѣсяцъ. Не смотря на дешевизну содержанія, бѣдные отцы, въ томъ числѣ и мой, очень затруднялись учить дѣтей, особенно если два-три сына находились одновременно на ихъ содержаніи.

Одежда и обувь учениковъ отличалась особою простотою: у бѣдныхъ—сюртучки изъ простаго домашняго сукна, а зимой шуба, покрытая крашаниной; у богатыхъ же—нанковый сюртукъ и шуба, покрытая нанкою. Лѣтомъ многіе ходили въ халатахъ крашанинныхъ, даже въ церковь. Вообще—единообразіе въ одеждѣ никакого не наблюдалось.

Наблюденіе за поведеніемъ учениковъ возложено было на одного о. инспектора, и мы видѣли, какъ онъ старался

исполнять свою обязанность. Помощниковъ у него не было. Но были такъ называемые „старшіе“: это — лучшіе ученики изъ старшаго класса. Они назначались одинъ на цѣлый кварталъ и больше. Они обязаны были смотрѣть за учениками своего участка, ходить раза два въ недѣлю по квартирамъ, смотрѣть, чѣмъ занимаются ученики, нѣтъ ли обидъ, дракъ; наблюдать, всѣ ли ходятъ въ церковь къ богослуженію. Старшій имѣлъ журналъ, въ который и записывалъ свои замѣчанія; журналъ этотъ временами представлялъ инспектору. Польза отъ наблюденія старшихъ была очень большая. Объ этомъ я сужу самъ по себѣ: никого я такъ не боялся, какъ старшаго, и это удерживало меня и другихъ отъ многихъ дѣтскихъ шалостей. Выдающихся, грубыхъ предосудительныхъ проступковъ между учениками училища не обнаруживалось.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЕ

священника села Ильинскаго (Ярыгина тожъ), Сычевскаго уѣзда, Іакова Дмитріевича Брянцева, о времени своего образованія въ школахъ и о тогдашнихъ наставникахъ.

(Продолженіе *).

Семинарія представлялась вамъ какою то обѣтованною землею, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, гдѣ не будемъ уже испытывать тѣхъ наказаній, какимъ подвергались въ училищѣ. На послѣдней трети воспитанниковъ IV класса только и было разговора о семинаріи. Когда насталъ выпускъ, намъ стало однако-жъ жалко училища, — хотя оно было и очень не привлекательно по своему наружному виду и внутренней обстановкѣ ¹⁾. Въ послѣдній разъ помолились мы въ Николаевской церкви, гдѣ о. Сергій Е — въ отслужилъ намъ благодарственный молебенъ, при чемъ сказалъ намъ нѣсколько напутственныхъ словъ. Въ семинарію мы перешли въ 1853 году, куда и доставилъ меня самъ отецъ на своей тощей лошади (160 верстъ). На пути изъ дома въ Смоленскъ меня все интересовало, и рѣка Днѣпръ, какъ знаменитая по географіи, и Болдинъ монастырь съ его часовенькой при большой дорогѣ, и г. Дорогобужъ съ соборомъ

*) См. № 10 Смол. Епарх. Вѣд.

1) Теперь того училища уже нѣтъ.

на горѣ, и особенно шоссеиная дорога отъ Соловьева переезда до Смоленска, только что открывшаяся для ѣзды. Верстъ за 8, съ одной горы, сталъ виденъ и Смоленскъ. Отецъ мой, указывая на Смоленскій соборъ, перекрестился и сказалъ мнѣ, тамъ есть чудотворная икона Божіей Матери, попроси помощи у ней, и поручи себя покровительству Царицы небесной, и вслѣдъ за симъ мы сошли съ телѣги, обнажили свои головы и смотря на величественный соборъ, сотворили усердную молитву. По приѣздѣ въ Смоленскъ (кажется 1 сентября), мы остановились за городомъ на Рачевкѣ, — и какъ теперь помню, что Смоленскія горы со стороны Рачевки и городская стѣна меня сильно поразили. Приемный экзаменъ назначенъ былъ съ 3-го сентября. Весь второй день мы могли употребить на обозрѣніе города; на третій день пошли на экзаменъ. Въ семинарской залѣ собрались ученики всѣхъ пяти училищъ. Экзаменъ производилъ инспекторъ семинаріи *іеромонахъ Димитрій*. Испытаніе было самое легкое, и въ заключеніе его о. Димитрій объявилъ, что всѣ, явившіеся на экзаменъ, удостоиваются приѣма въ семинарію. Послѣ экзамена о. Димитрія намъ уже не пришлось болѣе видѣть, такъ какъ онъ переведенъ былъ инспекторомъ въ Олонецкую семинарію, куда вскорѣ и уѣхалъ. О. ректора семинаріи, архимандрита Фотія, мы увидѣли въ первый разъ въ началѣ декабря, когда онъ привелъ и отрекомендовалъ намъ новаго инспектора, *іеромонаха Викторина*. Послѣ приѣма меня въ семинарію, отецъ мой нанялъ для меня квартиру, и, поблагодаривъ Господа уѣхалъ тотъ же день изъ Смоленска, домой. На другой день, послѣ экзамена, отслуженъ былъ предъ началомъ ученія молебенъ, и насъ снова собрали въ семинарскій залъ, гдѣ прочитали намъ списки. Я принятъ былъ 15-мъ въ первомъ разрядѣ, и зачисленъ во второе отдѣленіе словесности. Ученье началось,

съ 9-го сентября. Въ словесности у насъ было три наставника: *Иванъ Николаевичъ Успенскій*, *Василій Гавриловичъ Чекалкинъ* и *Иванъ Θεодоровичъ Соловьевъ*. Всѣ эти наставники оставили добрую память о себѣ.

Иванъ Николаевичъ—былъ наставникомъ главнаго предмета—словесности. Мы еще не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этой наукѣ; не знали, что такое синонимъ, эпитетъ, періодъ, хрія, разсужденіе, — неслыхивали о поэзіи, ямбахъ, хореяхъ, анапестахъ, — всей этой мудрости научилъ насъ Иванъ Николаевичъ. И сколько тяжелаго труда нужно было, чтобы втолковать намъ. Онъ началъ объяснять намъ сначала самые простые періоды, дальше — сложные, потомъ хрія, (коротенькія разсужденія, составленныя по правиламъ науки), дальше—разсужденія. Бывало по цѣлымъ часамъ объясняетъ намъ уроки словесности, заставляетъ насъ повторять объясненное, и недвигается дальше, пока мы хорошо не поймемъ его урока. Каждую недѣлю онъ задавалъ намъ письменное сочиненіе, и сейчасъ же узнавалъ, кто писалъ самъ, и кто при помощи другого. Лучшія и худшія сочиненія читалъ въ классѣ, не упоминая имени авторовъ и заставляя самихъ учениковъ оцѣнивать ихъ достоинство. Всѣ сочиненія исправлялъ онъ весьма тщательно своею рукою. Видно было, что наставникъ всецѣло преданъ былъ своему дѣлу. За два года мы не видѣли Ивана Николаевича веселымъ, смѣющимся. Онъ всегда былъ серьезенъ, и никогда не говорилъ лишняго словъ. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ; лицо имѣлъ блѣдноватое; говорилъ всегда громко; нѣсколько заикаясь, и одѣвался лучше всѣхъ наставниковъ семинаріи.

Наставникъ *Василій Гавриловичъ Чекалкинъ* преподавалъ гражданскую исторію. При объясненіи уроковъ онъ чертилъ мѣломъ на доскѣ разныя древнія мѣстности, моря, озера и рѣки; указывалъ мѣломъ тѣ дороги, по которымъ шли разные

полководцы и завоеватели. Послѣ собственнаго объясненія заставлялъ чертить и насъ. Объясняя исторію В. Г. не рѣдко приходилъ въ сильное воодушевленіе. Вообще онъ былъ человѣкъ простой, добрый и снисходительный къ слабостямъ учениковъ. Онъ умеръ въ Смоленскѣ, когда мы были уже въ богословскомъ классѣ.

Третій преподаватель былъ *Иванъ Θεодоровичъ Соловьевъ*. Онъ обучалъ насъ алгебрѣ, геометріи и физикѣ. Одинъ изъ самыхъ умныхъ наставниковъ. Онъ умѣлъ эти отвлеченные предметы преподавать такъ ясно и просто, какъ иной не можетъ разсказать даже исторіи. Стоило внимательно только прослушать его объясненіе, и сейчасъ же усвоишь урокъ. Также плавно, послѣдовательно, точно и ясно онъ велъ объясненіе и св. Писанія, преподаваніе котораго временно поручено было ему. Но при такомъ умѣньи преподавать И. Θ. не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, отчего нерѣдко онъ въ классѣ говорилъ мало, а иногда и совсѣмъ не приходилъ, то по болѣзни, то по обязанностямъ секретаря Правленія.

Въ среднее отдѣленіе семинаріи я перешелъ въ 1855 г. въ первомъ разрядѣ, 12 ученикомъ, и назначенъ также во 2 половину. Тутъ я помню обучали насъ четыре новыхъ наставника, именно: іеромонахъ *Мемнонъ* ²⁾, *Александръ Егоровичъ Позднышевъ*, *Павелъ Степановичъ Галинковскій* и *Василій Никифоровичъ Каченовскій*.

Іеромонахъ Мемнонъ былъ человѣкъ трудолюбивый, тихій и скромный; не помню, чтобы онъ кого оскорбилъ словомъ. Онъ преподавалъ у насъ логику, психологію и патристику. Самъ составлялъ свои записки по каждому предмету, и выдавалъ намъ листами для переписки и за-

²⁾ Нынѣ епископъ, викарій Херсонскаго архіепископа.

учиванія. Составленныя о. Мемнономъ записки, намъ очень нравились ясностію, простымъ изложеніемъ и краткостію. О. Мемнонъ часто задавалъ намъ письменныя сочиненія, заставлялъ писать даже въ классѣ, и тщательно провѣрялъ написанное. Изъ замѣтокъ его, поправокъ и даваемыхъ темъ видно, что о. Мемнонъ былъ наставникъ знавшій свое дѣло вполнѣ. Тоже можно сказать и о наставникѣ *Александрѣ Егоровичѣ Позднышевѣ*. Онъ преподавалъ библейскую исторію; зналъ предметъ свой отлично (смотри статьи его въ Смолен. Епарх. Вѣд. за 1866 г.), и отъ учениковъ требовалъ знанія также вполнѣ удовлетворительнаго. Отличительною чертою А. Е. была солидность. Онъ умѣлъ держать себя съ достоинствомъ. Занятія его въ классѣ всегда сопровождались тишиною и вниманіемъ къ словамъ преподавателя. Если пройти по корридору около дверей классовъ и прислушаться, то сейчасъ узнаешь, въ которомъ классѣ А. Е.; тутъ всегда глубокая тишина, тогда какъ въ другихъ классахъ слышенъ иногда глухой шумъ.

Павелъ Степановичъ Галинковскій. Это преподаватель былъ умный, знавшій свой предметъ (свщ. Писаніе) основательно. Онъ не только умѣлъ основательно объяснить каждый разъ урокъ, но и выдавалъ записки на цѣлыя книги. Его объясненія на книгу пророка Исаіи, сохранились у меня въ памяти и доселѣ. Приходилось внослѣдствіи много читать объясненій на эту книгу, но лучшаго объясненія П. С. не приходилось встрѣчать. Задавалъ онъ и письменныя сочиненія, и умѣло исправлялъ и дѣлалъ замѣтки. Но, къ сожалѣнію, ученики не умѣли цѣнить умомъ, трудолюбіемъ и добротою этого наставника, они слушались его менѣе, чѣмъ другихъ во время классныхъ занятій, не соблюдали должной тишины, предлагали ему неумѣстные иногда вопросы и т. под. П. С. все это сносилъ безъ особыхъ жалобъ начальству. Но луч-

шіе и благонамѣренные ученики вполне его уважали и цѣнили.

Четвертый наставникъ нашъ *Василій Никифоровичъ Каченовскій* приходилъ къ намъ разъ или два въ недѣлю. Онъ преподавалъ намъ Естественную исторію и Сельское хозяйство. Большинство учениковъ не обращало вниманія на эти науки, а лучшіе съ удовольствіемъ занимались. О разныхъ минералахъ, растеніяхъ, почвахъ, удобреніяхъ и проч. Василій Ник. умѣлъ рассказывать съ увлеченіемъ. Въ отвѣтахъ онъ не требовалъ буквальности, а обращалъ вниманіе, какъ кто понимаетъ. Къ сожалѣнію предметы эти мы, по недостатку времени прошли не всѣ.

Послѣдній классъ въ семинаріи назывался богословскимъ или высшимъ отдѣленіемъ. Онъ, также раздѣлялся на двѣ половины. Я перешелъ въ богословскій классъ 4-мъ въ первомъ разрядѣ, и зачисленъ былъ въ первую половину. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ классѣ, я встрѣтилъ четырехъ новыхъ наставниковъ, включая сюда и о. ректора. Ректоромъ семинаріи въ наше время былъ настоятель Авраміевскаго монастыря *архимандритъ Фотій*. Онъ преподавалъ догматическое богословіе. Для слушанія его лекцій воспитанники обонхъ отдѣленій собирались въ семинарскій залъ. О. ректоръ былъ человекъ умнѣйшій; но къ обязанностямъ наставника относился не всегда усердно. Въ классъ онъ долженъ былъ бы приходить два раза въ недѣлю, но мы видѣли его только два раза въ мѣсяцъ. За то его лекціи насъ вполне очаровывали. Онъ объяснялъ предметъ со всѣхъ сторонъ; ссылаясь на богослововъ русской церкви, бралъ извлеченія изъ иностранныхъ, и кончалъ обыкновенно своимъ мнѣніемъ, но притомъ такъ, что его мнѣніе выходило лучше и основательнѣе всѣхъ. Говорятъ, что прежде издавалъ онъ записки

свои ³⁾, но при насъ онъ этого не дѣлалъ; мы видѣли его только проповѣди. Кстати о проповѣдяхъ его: онѣ отличаются глубиной мысли, ясностію и пзщнымъ краснорѣчіемъ. Когда онъ говорилъ проповѣдь, всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ ⁴⁾. Для слушанія его проповѣдей, по пятицамъ великаго поста первыхъ четырехъ недѣль, когда совершались на вечерни Пассіи, собиралась въ монастырскую церковь половина города.

Вторымъ наставникомъ былъ *протоіерей Михаилъ Карчевскій*, одинъ изъ лучшихъ магистровъ Кіевской академіи. Онъ былъ въ тоже время и настоятелемъ Одигитріевской церкви. Мы застали его уже въ пожилыхъ лѣтахъ съ разстроеннымъ здоровьемъ, потому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ мало объяснялъ намъ, неполные классы высиживалъ, а иногда даже и совсѣмъ не приходилъ. Разъ пришелъ въ семинарію, но не могъ взойти на верхъ по лѣстницѣ, потребовалъ журналъ внизъ, и тамъ подписалъ. Сочиненія ученическія просматривалъ, однако-жъ, внимательно и дѣлалъ умныя замѣтки. Онъ преподавалъ прочіе богословскіе предметы и ученіе о расколѣ.

Третьимъ наставникомъ былъ *профессоръ Даніилъ Петровичъ Лебедевъ*. Онъ объяснялъ намъ священное Писаніе. Когда онъ приходилъ въ классъ съ одушевленіемъ, то его, — лекціи были великолѣпны, слова лились рѣвою, мысли были свѣтлы, чувствованія глубоки, свѣдѣнія высказывались обширныя. Онъ требовалъ чтобы уроки выучены были твердо. Сочиненія критиковалъ строже всѣхъ наставниковъ: онъ находилъ недостатки въ сочиненіяхъ и тамъ, гдѣ, повидимому, было

³⁾ Мнѣ приходилось видѣть его записки о крестѣ.

⁴⁾ Нѣсколько проповѣдей его напечатано въ журналѣ Странникъ за 1861—64 годы.

все написано плавно и хорошо. По окончаніи нашего курса, онъ принялъ санъ священника, потомъ былъ протоіереемъ и ректоромъ семинаріи.

Наконецъ, четвертый учитель нашъ былъ *Григорій Софоновичъ Малышкинъ*. Онъ преподавалъ каноническое право и археологію. Въ наше время онъ былъ очень трудолюбивъ и усерденъ къ своей обязанности. Въ классѣ Григорій Софоновичъ говорилъ долго и много, и мы съ удовольствіемъ слушали его рѣчь. Правда въ своихъ объясненіяхъ онъ часто удалялся въ сторону,—но для насъ все было пріятно и ново. Мы съ удовольствіемъ слушали и о правилахъ церкви, съ интересомъ слѣдили и за бытомъ древнихъ евреевъ, куда насъ заводилъ наставникъ, и внимательны были къ догматамъ, которыми заканчивалась рѣчь. Григорій Софоновичъ говорилъ съ чувствомъ, съ воодушевленіемъ, не слыша иногда и звонка, которымъ вызывали изъ класса; и мы слушали, отнюдь не торопясь къ выходу, хотя изъ другихъ классовъ всѣ вышли. При окончаніи курса, Григорій Софоновичъ нарочито приходилъ къ намъ въ классъ проститься. При чемъ сказалъ намъ прочувствованную рѣчь, которою растрогалъ и насъ до слезъ и самъ заплакалъ. Пишущій эти строки, какъ окончившій курсъ первымъ ученикомъ вышелъ на средину и отъ всего класса сказалъ ему отвѣтную рѣчь,—краткую, но выразительную. За такую рѣчь онъ поклонился намъ всѣмъ, и поцѣловалъ меня, какъ представителя класса.

(Окончаніе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЕ

священника села Ильинскаго (Ярыгина тожъ), Сычевскаго уѣзда, Іакова Дмитріевича Брянцева, о времени своего образованія въ школахъ и о тогдашнихъ наставникахъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Послѣ краткихъ воспоминаній о наставникахъ, у которыхъ я учился въ семинаріи, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ и о лицахъ начальствовавшихъ: Ректорѣ и инспекторѣ семинаріи. О. ректора Фотія мы видѣли въ семинаріи только въ классѣ на урокахъ и на экзаменахъ, и иногда во время богослуженія въ Авраміевской церкви; больше онъ никуда не показывался; въ ученическихъ квартирахъ онъ никогда не бывалъ и въ комнатахъ казенныхъ корпусовъ его никто не видывалъ. Въ засѣданіяхъ семинарскаго правленія,—онъ также рѣдко присутствовалъ и правленскія бумаги для подписи приносили ему въ квартиру. Воспитанники семинаріи почему-то боялись о. ректора, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ человѣкъ добрый, внимательно выслушивалъ просьбы учениковъ и старался удовлетворить. При этомъ о. ректорѣ я проучился въ семинаріи пять лѣтъ. Изъ Смоленской семинаріи, онъ переведенъ былъ ректоромъ въ Тифлисскую семинарію. Новымъ ректоромъ назначенъ былъ инспекторъ Тифлисской семинаріи архимандритъ Моисей, отличавшійся величественною осанкою, солидностію и дѣятельностію. Мы его видѣли каждый разъ въ классѣ. Онъ ходилъ по корпусамъ, часто присутствовалъ на обѣдѣ, засѣдалъ въ правленіи; служилъ величественно и когда говорилъ проповѣди, то говорилъ громко и внятно.

Въ бытность о. архимандрита Фотія ректоромъ, инспекторами семинаріи состояли сперва іеромонахъ *Димитрій*, котораго мы почти не видали: онъ вскорѣ, послѣ нашего поступленія въ семинарію переведенъ былъ въ Олонецкую семинарію инспекто-

¹⁾ См. № 10 и 14 Смол. Епарх. Вѣд.

ромъ же, и затѣмъ іеромонахъ *Викторинъ*. Своего инспекторскою кипучею дѣятельностію, о. Викторинъ напоминалъ намъ инспектора Вяземскаго духовнаго училища, Еленева. Онъ днемъ и ночью ѣздилъ по квартирамъ учениковъ, ходилъ по нѣскольку разъ въ день по казеннымъ корпусамъ, гдѣ жили воспитанники, заводилъ конvikты или общежитія для своекоштныхъ учениковъ, составлялъ и читалъ правила, какъ воспитанники должны жить въ школахъ и дома на каникулахъ, и какъ должны вести себя послѣ, по выходѣ изъ заведенія. При наклонности о. ректора къ покою, семинарію правилъ можно сказать, одинъ о. Викторинъ. Время его управленія еще и доселѣ слыветъ какъ время тяжелое для семинаристовъ и очень строгое. Въ ученикахъ семинаріи онъ видѣлъ будущихъ служителей алтаря Господня (жребій божій, какъ онъ назвалъ ихъ въ одномъ сочиненіи), которые должны быть безупречны, неимущи скверны или нѣчто отъ таковыхъ, какъ сказалъ Апостоль. А потому онъ и преслѣдовалъ всякіе проступки между учениками со всею строгостію. Разъ онъ замѣтилъ выпившимъ одного изъ лучшихъ учениковъ среднего отдѣленія, и назавтра велѣлъ подавать прошеніе объ увольненіи, при чемъ никакія просьбы и ходатайства не преклонили его на милость. Въ другой разъ онъ поймалъ казеннокоштнаго воспитанника въ табакокурѣніи, и при первомъ засѣданіи членовъ правленія, перечислилъ виновнаго съ полнаго на половинное содержаніе. Въ третій разъ одного воспитанника уличили въ кражѣ книги, и бѣдный похититель выгнанъ былъ изъ корпуса въ квартиру. И такихъ фактовъ было очень много. Но при своей строгости онъ умѣлъ быть добрымъ къ воспитанникамъ хорошимъ и благонравнымъ. О. Викторинъ уѣхалъ изъ Смоленска при переходѣ нашемъ въ богословскій классъ. Онъ перемѣщенъ былъ на должность инспектора С.-Петербургской духовной академіи. Прощаясь съ нами, онъ говорилъ длинную рѣчь, въ которой, между прочимъ просилъ извиненія, если кого обидѣлъ невинно; при этомъ увѣрялъ, что онъ всѣ силы

употреблялъ къ тому, чтобы принести пользу учебному заведенію и учащимся въ немъ. Меня называли, заключилъ онъ рѣчь, строгимъ, немилосерднымъ, и даже какимъ-то тяжелымъ бременемъ, но я строгъ былъ только для грубыхъ, непокорныхъ, нарушителей порядка, порочныхъ, каковые не терпятъ ни въ одномъ заведеніи; для хорошихъ же воспитанниковъ и я былъ хорошъ,—сами разсудите, и оцѣните меня, если не теперь, то впослѣдствіи.

Преемникомъ о. Викторина по должности инспектора былъ *іеромонахъ Іона*. Это человѣкъ былъ съ прямой и открытой душой. О проступкахъ учениковъ онъ не старался доискиваться тихими и тайными путями; не слушалъ тайныхъ доносителей, не вѣрилъ наушничеству, а требовалъ доноса открыто. «Что ты, говаривалъ онъ, изъ за угла кидаешь грязью, выходи вонъ, и говори открыто.» За пьянство, особенно въ первый разъ не исключалъ, а сажалъ въ карцеръ; за табакокурениіе не преслѣдовалъ, но и не любилъ, если ученики курили въ комнатѣ, корридорѣ, на улицѣ. По квартирамъ не ѣздилъ, эта обязанность возложена была на помощниковъ инспектора. Съ ректоромъ о. Моисеемъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ. И вообще о. Іона оставилъ на себѣ добрую память. Лучше всего о немъ могутъ дать свѣдѣнія его ученики къ числу которыхъ я не имѣлъ честь принадлежать.

Обучаясь въ семинаріи я первыхъ три года жилъ сперва по частнымъ квартирамъ, а потомъ въ общей квартирѣ, устроенной о. инспекторомъ Викториномъ, конвиктѣ, остальные же три года жилъ въ корпусѣ, на казенномъ содержаніи. Столъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ былъ въ то время самый скудный; равнымъ образомъ представляли мало удобствъ для учениковъ и ихъ помѣщенія. Неоднократныя заявленія объ этомъ о. Викторину, оставались обыкновенно безъ послѣдствій. Съ прибытіемъ новаго инспектора о. Іоны, хотя содержаніе и улучшилось, но все таки оставалось еще многого желать.

За поведенієм учениковъ, кромѣ инспектора, наблюдали его помощники изъ преподавателей семинаріи, и старшіе изъ учениковъ богословія; въ числѣ старшихъ состоялъ пишущій эти строки.

У воспитанникомъ высшихъ двухъ классовъ были праздники разъ въ году, а именно: у богослововъ 8 мая, а у философовъ 1 іюня. Въ эти дни празднующіе ученики освобождались отъ классовъ; были въ церкви у обѣдни, и служили молебень. Послѣ обѣдни имъ предоставлялось проводить время, какъ кто пожелаетъ. Въ дни праздниковъ воспитанники имѣли обычай подносить отъ себя и начальству и наставнику кондитерскіе пироги; а иногда и вино. На такіе подарки сами воспитанники смотрѣли, какъ на знакъ съ ихъ стороны признательности за воспитаніе.

Для полноты воспоминаній считаю не лишнимъ рассказать въ заключеніе и о неудачной моей поѣздкѣ въ академію. Курсъ окончилъ я семинаріи въ 1859 г. первымъ студентомъ въ 1 отдѣленіи богословскаго класса. Какъ лучший изъ воспитанниковъ я, вмѣстѣ съ другимъ моимъ товарищемъ Т. В. Б., посланъ былъ въ С.-Петербургскую академію. 14 Августа мы прибыли въ Петербургъ и явились въ академію. Вскорѣ начались пріемные экзамены, которыя мы и выдержали удачно, какъ объ этомъ объявлено было секретаремъ правленія. Начались классы, стали ходить на лекціи, и уже подали по одному сочиненію, но тутъ вдругъ приходитъ секретарь съ объявленіемъ намъ, что въ академію принято слишкомъ много (50), всѣхъ содержать нынѣ трудно; поэтому Высокопреосвященный *) митрополитъ послѣдній десятокъ отчеркнулъ, приказавъ имъ ѣхать въ другія академіи, а велѣлъ принять только 40 человѣкъ. Я оказался вторымъ за чертой, и долженъ былъ возвратиться домой. Мнѣ выдали прогоны и я возвратился на епархію, съ ужасною горестію, — мнѣ хотѣлось учиться. Въ мартѣ 1860 г. я получилъ настоящее священническое

*) Григорій.

мѣсто, и въ апрѣлѣ женился. 6 Мая я пріѣхалъ посвящаться, и вдругъ Преосвященный Антоній объявилъ мнѣ, что я зачисленъ въ казенные воспитанники Московской духовной академіи. Пожалѣлъ я, что поторопился жениться, но дѣлать было нечего,—отъ академіи нужно было отказаться. Знать не судьбина мнѣ больше учиться, а опредѣлено быть сельскимъ іереемъ, каковымъ я и состою 36-ый годъ.

Села Ильинскаго священникъ *Іаковъ Брянцевъ*.
